

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

*И.А. Бронников,
М.В. Горбачев,
И.К. Гераскин*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: *Информационная реальность последних двух десятилетий трансформируется невероятно быстро. Постоянно появляются новые системы сбора, обработки и передачи данных. Вслед за ними создаются более современные модели коммуникации. В результате, прежние модели информационного обмена, которые ещё вчера казались актуальными и востребованными, сегодня оказываются вытесненными на «периферию». В таких быстро меняющихся условиях особенно остро стоит проблема изучения онтологических аспектов политической коммуникации. В настоящей статье предпринимается попытка систематизации и сравнительного анализа ключевых аспектов информационного обмена в политике в новейших технологических условиях.*

Ключевые слова: *политическая онтология, политическая коммуникация, цифровой мир, цифровая реальность, модели информационного обмена.*

В современных философских концепциях XXI века, объясняющих природу коммуникаций, ключевым субъектом моделей информационного обмена в политике является человек, не просто живущий «в мире знаков, но, в силу своей изначальной семиотической предрасположенности», спаянный «со знаковыми системами во всех процессах, связанных с восприятием, формированием структур сознания и познания, которые в той или иной мере присутствуют в любом виде коммуникации» [Клягина 2013: 98]. Тем самым учёными отстаивается идея, согласно которой человек, во-первых, создаёт контент информационного обмена основываясь на современных знаках и символах общения в новейших сетях передачи данных, во-вторых, сам является частью этого контента без которой передаваемые сообщения теряют первоначальный смысл, заложенный в них коммуникатором. Выделим и проанализируем он-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Цифровизация политического протеста в условиях становления новых медиакорпораций: причины, механизмы, тенденции» № 21-011-31160.

тологические аспекты политической коммуникации в современной информационной реальности, основанные на передовых технологиях обмена контентом.

1. Новое понимание коммуникативной сущности человека

Дуалистическое понимание коммуникативной сущности человека связано с его позиционированием в качестве ключевого субъекта информационного обмена, производящего смысловые значения создаваемого и передаваемого контента [Пирс 2001], т. е. субъекта ответственного за создание интерпретанты («интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта, это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [Эко 2006; 67]) как метасемиотического конструкта, устанавливающего отношения между отправителем и получателем данных. Такое понимание человека подразумевает, что в современной цифровой реальности ему необходимо не только осознавать технологические условия формирующие её основные контуры, но при необходимости менять эти условия с целью создания более «комфортной среды» информационного обмена. Требования информационного общества, связанные с постоянным расширением знаний человека о технологических основах информационного обмена, способствуют «стиранию границ» между реальностями: цифровой и подлинно социальной.

Проблема «стирания границ» между двумя видами реальности так или иначе связана с системами создания, передачи, приёма, понимания знаков в пространстве политической коммуникации [Кононенко 2021: 44]. Посредством знаков политические тезисы государственных деятелей, партийных лидеров, общественных активистов и ряда других субъектов структурируются и выстраиваются в определённые цепочки и схемы. Человек, как ключевой субъект коммуникации, определяет их значения в процессе различных видов и форм информационного обмена. В частности, он может воспринимать знаки буквально, понимать их на основе уже сложившихся традиций, сам создавать эти традиции и т. п. Оперирова знаками, «человек, – по мнению исследователей, – получает и обрабатывает информацию, поступающую извне, а результат обработки – новая информация, возвращается в окружающую среду... человек формирует и регулирует свою деятельность, совершая действия и производя вещи, которые отчуждаются от автора и погружаются в среду, что наполняет её новыми смыслами» [Калмыков 2007: 55].

Активно «работая» со знаками человек осуществляет следующие виды социально-технологических изменений, которые являются основами его существования. Во-первых, он трансформирует картину мира посредством изменения образов ключевых объектов, наполняющих его [Dibrov 2021: 2]. Во-вторых, создаёт системы новых фактов основываясь на данных, поступающих к нему из технологической и социальной сред. В-третьих, конструирует новационные виды деятельности, которые призваны расширить его творческие, научные, образовательные возможности в меняющемся мире. В-четвёртых, генерирует информационные потоки, описывающие характер и направленность изменений, реализующихся в рамках первых трёх групп.

Не менее интересную трактовку бытия человека в современной политической коммуникации предлагает немецкий учёный Н. Луман. Анализируя взаимодействие таких понятий, как «информация», «сообщение», «понимание», учёный пришел к заключению что эти компоненты производят коммуникацию только вместе [Луман 1994: 25]. Рассуждая о соотношении этих понятий, Н. Луман исходил из того, что «в основу понимания должно быть положено различие акта сообщения и самой информации. Именно из него и следует исходить» [Луман 1994: 33]. Такое понимание подразумевает, что «коммуникация занимается сама собой» [Луман 1994: 33], т. е. она «она может заниматься информацией или основаниями того, почему нечто высказывается непосредственно здесь и теперь» [Луман 1994: 33]. «Синтезы» и «разграничения» понятий «информация», «сообщение», «понимание» приводят к тому, ком-

муникационная система самоорганизуется и функционирует непрерывно как в подлинной социальной реальности, так и в виртуальном пространстве современного цифрового общества. Человек в данном контексте выступает субъектом, конструирующим и направляющим процессы «синтеза» и «разграничения» [Марков 2020: 144].

Обозначенный подход к пониманию бытия человека в структуре политической коммуникации требует более детального рассмотрения в рамках философских концепций виртуализации современных общественных отношений. Их авторы полагают, что виртуализация общества и современная коммуникация представляют собой единый социально-технологический процесс, функционирующий в соответствии со следующими принципами. Во-первых, закон «Существует только то, что можно наблюдать» не действует в виртуальном обществе, поскольку значительное количество цифровых субъектов современного информационного обмена не регистрируются и, следовательно, как физические величины формально не существуют. Во-вторых, «виртуальная реальность» и «виртуальный мир» являются производными от сложных технологических и программных решений, а затем уже от инициатив человека, который пытается встроиться в конструкции, создаваемые с их помощью. В-третьих, виртуальные модели информационного обмена создают со-бытие человека и социума, границы которого чётко не зафиксированы. В связи с чем со-бытие может «проникать» в мир реального бытия.

Человек в мире виртуальных политических коммуникаций предстаёт как субъект, обеспечивающий создание виртуальной реальности, собственное встраивание в её структуры, содействие аналогичной или альтернативной инкорпорации в неё других индивидов и социальных групп [Bronnikov 2021: 1]. Все это, по мнению современных специалистов, формирует его персональную и общественную со-бытийность. Ее политологическое осмысление требует обращения к анализу ряда проблемных аспектов. Рассмотрим некоторые из них. Первый, связан с разграничением виртуальной и реальной информации, осуществлять которое становится сложнее с каждым новым технологическим рывком современного социума [Белоусов 2021: 214]. Второй аспект корреспондируется с виртуальными механизмами и технологиями процессов осмысления и методиками определения их эффективности. Третий – аффилирован с необходимостью анализа виртуальных характеристик искусственных коммуникационных сред, с их соотношением с характеристики реальных площадок информационного обмена. Четвёртый – ориентирован на поиск методов и методик интерпретации структуры и содержания виртуальных моделей политической коммуникации.

Каждый из аспектов, раскрывающий проблемы поиска места и роли человека в мире современных виртуальных коммуникаций, так или иначе связан с идентификацией и анализом изменений его антропологических качеств. Учёные отмечают, что в данном контексте важной задачей является понимание того, какими будут эти изменения? Как они повлияют на личностные качества индивида? Какими будут политические последствия этих изменений? Вопросов много, однако все они, вне зависимости от их характера, нацелены на решение главной проблемы: виртуальные политические коммуникации – это информационный обмен человека с симулякрами, или особый вид информационного обмена в новом социальном бытии и его виртуальном со-бытии?

Но независимо от ответа на этот вопрос, в рамках какой концептуальной системы он будет сформулирован, большинство специалистов полагают, что современная политическая коммуникация – и «живая», и «виртуальная» – выступает основным инструментом деятельности человека, наиболее устойчивым компонентом его культуры [Щеров 2020: 104]. Поэтому изучение бытия человека, как субъекта, создающего смыслы коммуникации, и как субъекта, разграничивающего эти смыслы, с одной стороны, требует обращения к философским концепциям цифрового общества и виртуального мира, с другой – ориентирует специалистов на анализ нормативных аспектов бытия человека в виртуальном мире и цифровом социуме. Прежде всего на анализ трансформации этических норм, поскольку с проникновением тех-

нических новаций в модели социальных и политических коммуникаций возникают новые ценностные вызовы и новые потребности в этической оценке.

Сложность и многоаспектность современных политических коммуникаций порождает взаимозависимые и одновременно противоречивые интерпретанты. Они сосуществуют друг с другом периодически приводя к конфликтным ситуациям различного уровня, масштаба, продолжительности. В результате возникает проблема этической ответственности человека. Полагаем, что с расширением коммуникационного пространства – его переходом с регионального на глобальный уровень проблема этической ответственности значительно усугубилась. Глобализация информационного обмена привела к появлению эффекта «иллюзорности простоты» создания новых интерпретаций [Яровенко 2010: 52]. Упрощённые интерпретанты негативно влияют на глубину понимания объектов и явлений политической действительности, открывают возможности для построения «некорректных трактовок» и «видений».

В процессе конструирования и применения интерпретант в практиках информационного обмена в политике, особенно актуальным становится вопрос об этической ответственности, о пересмотре традиционных этических подходов к оценке ситуации. В данном контексте необходимо отметить, что значительный вклад в развитие науки этических норм сделал немецкий философ Г. Йонас. В своей работе «Принцип ответственности», он раскрыл сущность ответственности. Ответственность представлена в качестве основания этики. Благодаря этому новаторству он считается основателем этики ответственности. Немного позже вышла книга Х. Ленка «прагматический разум». В ней он указал на неизбежность этики ответственности в техногенном обществе. Думается, что Х. Ленк рассуждает значительно конкретнее Г. Йонаса. Он увязывает этику ответственности с прагматизмом. Место принципа ответственности в концепции Х. Ленка занимает отношение ответственности. Этот аспект мышлений Х. Ленка особенно актуален для современного информационного общества, для понимания процессов коммуникации, происходящих в нём.

И в первом, и во втором случае, вне зависимости от расставляемых акцентов, «этика коммуникаций рассматривается как основа для ответственного образа мыслей, способа принятия решений, развития взаимоотношений и создания сообществ в различных культурах с помощью различных средств и каналов коммуникации» [Биби 2007: 21]. Такое идеализированное понимание этической ответственности человека за создаваемые им интерпретанты слабо соотносится с реальностью функционирования моделей информационного обмена в политике [Карпова 2020: 99]. Однако несмотря на это, оно служит «нормативным ориентиром» в многообразном мире коммуникационных взаимодействий, так как другие социальные регуляторы информационного обмена в политике в большинстве случаев создаются со значительными запозданиями, не успевая за программными и технологическими новациями средств передачи контента.

Ускоренное развитие технологических и программных основ моделей информационного обмена в политике является фактором трансформации не только нормативных составляющих бытия человека как ключевого элемента структуры коммуникации, но основой изменения его «матриц идентичности». Современными исследователями отмечается, что «внедрение новых технологий привело к сжиманию времени и пространства, трансграничному характеру данных процессов, создавая условия для развития новых способов коммуникации и идентификации... благодаря тотальной информационной включенности использование цифровых технологий становится базовым навыком современного человека, а виртуальность – основной платформой для репрезентации собственной идентичности на основе цифрового кода» [Конева 2019: 17].

Онлайн и офлайн модели информационного обмена в политике в современных социально-технологических реалиях настолько тесно переплетены друг с другом, что любые попытки их разграничить носят искусственный характер. Интернет вещей позволяет создавать виртуальные копии реальных объектов, социальные сети активно вытесняют «живое обще-

ние» за счёт применения аналогичных, а в некоторых случаях даже более интересных механизмом обмена контентом, электронные форматы взаимодействия человека с государственными и политическими институтами становятся все более популярными не только у представителей молодёжи, но и у старших поколений. Список кейсов, иллюстрирующих переход социально-экономических и политических институтов из реального мира в цифровой можно значительно расширить. Однако уже на данном этапе миллионы людей по всему миру находятся в нескольких видах реальности одновременно и идентифицируют себя как с реальным, так и с многочисленными измерениями цифрового и виртуального миров [Шафаростов 2011: 321].

2. Новые требования, предъявляемые к человеку, как к субъекту информационного обмена

Обществом в целом, отдельными политическими и государственными институтами, политическими группами предъявляются новые требования к человеку как субъекту информационного обмена. По их мнению, человек должен соответствовать ряду цифровых характеристик, без которых его участие в политической жизни становится затруднительным или даже невозможным. В частности, многие политические и государственные структуры в качестве необходимого требования для включения в их работу человека выдвигают создание им собственного «цифрового профиля».

Социально-политическая интерактивность человека, расширяющая границы его возможностей в современных коммуникационных процессах, изменяет характер его идентификации, персонификации, социализации. Она заставляет его постоянно работать над собственными коммуникационными навыками и компетенциями в цифровом пространстве. Кроме того, она изменяет его представления о реальной жизни, вытесняет её основополагающие институты посредством их подмены институтами, существующими в виртуальной реальности и цифровом мире. В результате, по мнению исследователей, «наряду с бытием в возможности, бытием здесь и сейчас, на одно из главных мест выдвигается понятие со-деятельности, со-бытия, зависимость становления “от иного” ...коммуникативная же реальность становится медийным самоопределением человека... реальностью intersубъективных коммуникаций» [Аршинов 2007: 111].

Современные учёные полагают, что дигитальное видение особенностей идентификации человека в новой онтологической реальности цифрового мира является технологически опосредованным. Оно реализуется через конструирование и применение различных «никнов» и «аватаров». При этом, как полагают специалисты, «чем больше “ник” не схож с подлинным именем, а “аватар” – с настоящим материальным обликом человека, тем в большей степени виртуальная идентичность не совпадает с реальной» [Солдатов 2018: 113]. Изучению совпадений и расхождений реального мира с виртуальным, посвящено значительное количество отечественных и зарубежных исследований. Их авторы представляют, как социально-гуманитарные, так и технические науки. Общим трендом данных работ является идентификация социально-технологических границ между цифровым и реальным мирами, а также объяснение механизмов их преодоления современным человеком.

Анализируя специфику идентификации человека в виртуальном пространстве, исследователи обращают внимание на то, что он реально не присутствует в так называемом цифровом мире. В результате он может в любой момент прекратить социально-политические коммуникации с другими субъектами информационного поля, входящего в структуру этого цифрового мира. При этом в случае продолжения коммуникации с теми же субъектами, но уже в реальном мире, границы между цифровой и социальной реальностью оказываются стёртыми. Указанный социально-технологический феномен характерен для сферы оказания государственных услуг населению, а также общественно-политической деятельности партий и иных

социальных структур, которые активно комбинируют различные виды и формы социально-политических коммуникаций.

Следует отметить, что в отличие от реального мира, информационное пространство цифрового мира позволяет человеку осуществлять коммуникации анонимно. Учёные считают, что такая анонимность «даёт новые возможности для самопрезентации человека, усиливает тенденции “усреднённого другого”, отражая стремление быть понятным с конвенциональной, общей для всех точки зрения». Как полагают специалисты, «анонимность может обусловить появление безосновательного чувства собственного величия». Идентификация человека в таких условиях виртуального мира становится условной. В результате он может соотносить себя с самыми разными социально-политическими группами, общественными структурами деятельность которых может как соответствовать сложившимся в обществе нормам, так и выходить за «обозначенные пределы» допустимого. Для предотвращения негативных последствий анонимных социально-политических коммуникаций законодатели большинства стран вводят достаточно жёсткие ограничения на данные форматы информационного обмена [Алиуллов 2020: 44]. В результате в практиках работы ключевых государственных и социальных институтов цифрового общества они сведены к минимуму. Однако их проявления по-прежнему наблюдаются в различных социальных сетях, мессенджерах, интернет-площадках и т. п., где программно-технологические инструменты позволяют «обойти» разработанные законодателями запреты.

Дальнейшее преодоление анонимности социально-политических коммуникаций, деанонимизация ключевых субъектов информационного обмена, по мнению специалистов, может быть достигнута посредством фиксации их «цифровых следов». Это может осуществляться путём «анализа цифровых данных в виде совершенных транзакций, данных налоговых служб, различных фондов, страховых компаний, электронных каталогов, онлайн-банкинга, поисковых запросов, геолокации, данных удалённой идентификации и городских видеокамер, профилей новых медиа (социальные сети, блоги, видеохостинги) и различных форматов коммуникации (почта, мессенджеры и др.)». В результате формируется не только индивидуальная идентичность человека как главного элемента моделей информационного обмена в политике, но коллективные идентичности социальных групп различных видов, а также общества в целом. Однако следует отметить, что конструирование подобных идентичностей происходит помимо воли и желания самого человека. Оно осуществляется различными организациями, легально собирающими информационный контент о деятельности индивидуальных и групповых субъектов в сетях, обеспечивающих обмен информационным контентом. При этом пределы «дозволенного» в работе таких организаций ещё только предстоит установить: как морально-нравственные, так и правовые.

Конструирование «идеального образа Я» в виртуальной среде, в отличие от реального пространства, в котором «человек вынужден тратить значительные психологические и временные ресурсы для самопрезентации и коммуникации», «требует несравнимо меньших затрат, однако сопровождается большим искушением (и возможностями) искажения этого образа... за счёт меньшего количества ресурсов, затрачиваемых на самореализацию, перед индивидом открывается соблазн чрезмерного погружения в виртуальное пространство, что выступает предиктором интернет-зависимости» [Солдатова 2018: 114]. Очевидно, что такая «упрощённая включённость» человека в модели информационного обмена оказывает воздействие на понимание им собственного места и возможностей в цифровом мире (цифровой мир видится человеку в качестве аналога реального мира, однако часть норм и санкций, которые существуют в последнем, полностью или частично игнорируются в цифровой реальности), формирует «легковесное» отношение к фактам и событиям, происходящим в нём.

Современные технологии «погружения» человека в виртуальное пространство, по оценкам специалистов, приводят к трансформации его виртуальной идентичности [Андреева 2020: 134]. Субъект виртуальной коммуникации стремится казаться другой личностью. Для

этого он изменяет собственные биографические данные, создаёт идеальный цифровой образ, который может существенно расходиться с реальным. Иными словами, человек создаёт такого «нового себя», который по-другому идентифицирует свои статусы и роли в цифровом мире. Согласно исследованиям А.Е. Жичкиной и Е.П. Белинской, проведённым в начале 2000-х гг., «более 50 % пользователей социальных сетей и форумов признаются, что в определённой мере фальсифицировали сведения о себе, изменяя имя, возраст, семейное положение, внешность, хобби и т. д. Менее часто подменяется информация о поле, образовании, профессии, месте жительства, музыкальных и художественных вкусах, покупках, услугах и путешествиях, уровне дохода и национальности... почти не подвергаются искажению сведения о политических и религиозных взглядах» [Жичкина 2000: 438]. Аналитические работы последних лет, подтверждают выводы, полученные исследователями по большинству представленных пунктов.

Необходимо отметить, что искажённая идентичность возможна только в неформальных социально-политических коммуникациях, осуществляемых посредством информационных инструментов, не требующих официальной авторизации. В формальных коммуникационных взаимодействиях, возможности изменений в официальном цифровом профиле ограничивают правовые нормы и институты. Однако вне зависимости от того, в формальной или неформальной цифровой реальности осуществляются коммуникации, специалисты единодушны в том, что изменения единичности человека в виртуальном пространстве приводят к трансформации его реальной идентичности, к преобразованию всей системы социальных взаимодействий [Elliott 2013: 72].

Активное преобразование современной виртуальной идентичности также связано с таким феноменом как «репост-идентичность»: «“Идеальное Я” выстраивается из готового набора виртуального материала и им же наполняется: содержание виртуальной идентичности представляет собой совокупность знаков, из которых конструируются аспекты нового Я. Но, поскольку подобная идентичность («репост-идентичность») создаётся из готового материала, она вторична, и её структура лишена уникальности. Репост – общественный текст, который даже при наличии формального автора является комбинацией ранее опубликованной информации» [Whitty 2002: 343]. В связи с этим личность в виртуальном пространстве всегда более пассивна, её идентичность деформирована. В измерении репост-идентичности цифровая личность, лишена уникальных качеств. Вместе с тем, виртуальная идентичность человека в отличие от реальной обладает большей гибкостью. Они позволяют индивиду контролировать и изменять свои параметры в зависимости от быстро меняющихся условий информационного обмена в виртуальной среде.

Таким образом, идентичность человека в виртуальном и цифровом мирах трансформируется в зависимости от двух факторов. Первый связан с его неудовлетворённостью собственной реальной идентичностью. Второй, с неограниченными возможностями самореализации, которые предоставляют ему современные информационно-коммуникационные технологии. Социальные сети и различные виртуальные платформы, в данном случае, выступают арбитрами борьбы человека за престижные и статусные показатели, являющиеся социально-технологическим фоном конструирования виртуального и цифрового позиционирования и само позиционирования человека.

Ещё один онтологический аспект политической коммуникации в новой социально-технологической реальности связан с таким феноменом, как net-социальность. Интерпретируя его, специалисты основываются на двух положениях. Первое связано с тем, что цифровой мир и виртуальная реальность представляют собой проекцию человеческих органов, так как они были сконструированы руками человека. Структурные элементы коммуникации, в таком понимании, выступают продолжением человеческих чувств, посредством которых происходит познание окружающей действительности. Второе положение базируется на том, что развитие современных технологий постепенно выходит за грань «органопроекции» (проекция

органов человека во внешний мир [Торосян 2019: 94]). Оно обосновывается тем, что современные технологии способны образовывать структуры, которые отличны от человеческой природы. Как следствие, виртуальная социальность является совершенно иным видом социальности, формирующей новые виды информационного обмена.

Первое положение заставляет задуматься над тем, как виртуальные коммуникации в социально-политической сфере будут изменять модели реального информационного обмена. Второе положение ставит вопрос, как виртуальный обмен контентом будет создавать новые формы цифровой социальности. На наш взгляд, оба этих вопроса так или иначе ориентированы на определение природы net-социальности, на выявление её человеческих или технико-программных характеристик. Только в первом случае коммуникация рассматривается как явление, неразрывно связанное с человеком, его информационными потребностями. Во втором случае, информационный обмен интерпретируется как самостоятельное явление способное существовать без коммуникатора.

По мнению исследователей, «придание коммуникации онтологического статуса позволяет преодолеть разрыв между метафизической и эпистемической природой коммуникативного действия». Однако в случае рассмотрения коммуникации в отрыве от коммуникаторов, т. е. в качестве самостоятельной социально-технологической сущности, она превращается из реальной в потенциальную. Существование потенциальной коммуникации может поддерживаться только в виртуальной реальности. Поэтому онтология такой коммуникации является особой, значительно отличающейся от сложившихся в науке представлений о ней. Она интерпретируется в разрезе человеко-ориентированного информационного обмена, но с оговоркой на то, что искусственно «собранные» виртуальные реальности могут стать самодостаточными в условиях растущих вычислительных и программных возможностей высокотехнологичных моделей коммуникации. В рамках футурологического направления философского осмысления онтологических аспектов коммуникации, в условиях формирующейся net-социальности идея «искусственно собранной» виртуальной реальности получила дальнейшее развитие в концепции параллельного мира. Её сторонники полагают, что «параллельный мир изобретает ментальную машину схватывания всего целого в одно мгновение... способом связывания возникающих высказываний является бред... в реальном мире для того, чтобы получить новое свойство или качество, нужно стать элементом социальной группы... в параллельном мире для этого достаточно коммуникации в режиме бреда» [Клягина 2013: 110]. Таким образом, «параллельный» (виртуальный мир) осуществляет синтез сознания, формируя новые формы и виды реальности, которые являются самодостаточными для этого мира.

3. Новые коммуникативные вызовы

Как показывает анализ современных философских концепций, объясняющих структуру и содержание информационного обмена в эпоху развития цифровых технологий, net-социальность, конструирующая новые онтологические аспекты современных социально-политических коммуникаций, тесно связана с формированием метадискурса виртуальности, который «бросает вызов» единству знания и его словесного выражения в реальном мире. Метадискурс виртуальности, по мнению исследователей, базируется на понимании человеком знаков, символов, изображений не как элементов информационного обмена, созданных его собственным умом, а как компонентов цифровой реальности, для которой характерны спонтанность, фрагментарность, быстрота наступления социальных перемен.

Изучая цифровую реальность и метадискурс, формируемый её социальными и технологическими институтами, учёные полагают, что для него характерно взаимопроникновение знания и информации с последующей подменой первой второй. При этом, как отмечают специалисты, увеличение количества знаний приводит к интеллектуальному совершен-

ствованию человека как субъекта социально-политических коммуникаций. Интенсификация информационных потоков, напротив, становится причиной разрушения интеллектуальных качеств личности, влияет на «деформацию» механизмов усвоения ею новых данных. Следует отметить, что на этот феномен обращают внимание исследователи как в области социально-гуманитарных, так и в области естественных и технических наук. В их работах акцентируется внимание на том, что «вмешательство в эволюцию живого – не единственное неизвестное в сложном уравнении будущего цивилизации. Не менее трудным является прогноз для развития другого ключевого процесса, существенно изменяющего картину мира, – информатизации» [Садовничий 2018: 13].

Постоянно усиливающиеся процессы информатизации ключевых основ онтологического пространства современных политических коммуникаций формируют, по мнению специалистов, коммуникативный вызов сетей. Он основывается на том, что «информационно-коммуникативная среда оказывает серьёзное влияние на содержание коллективной идентичности, направленность, скорость и интенсивность её динамики... доминирующие в ней дискурсивные процессы и способы трансляции информации способны как стабилизировать, так и поставить под сомнение представление людей об их совместной причастности к некоему социокультурному целому» [Шипулин 2020: 2]. Для нас имеют значение следующие вопросы относительно моделей информационного обмена: во-первых, кто выступает ключевыми субъектами передачи идей, ценностей, смыслов и т. п.; во-вторых, каким образом эти субъекты организуют процессы их трансляции (диктат, плюрализм, комбинированные механизмы); в-третьих, как функционируют механизмы обратной связи в рамках моделей информационного обмена между коммуникатором и аудиторией.

На основании содержания названных параметров, можно выделить несколько проявлений коммуникативных вызовов сети. Первое связано с тем, сетевые инструменты, с одной стороны, облегчают процесс обмена контентом. С другой – создают проблемы понимания смысла передаваемых сообщений за счёт унификации презентаций интересов и потребностей их получателей (не учитывается фактор индивидуализации сознания человека). Второе проявление коммуникативных вызовов сети базируется на том, что сетевые модели информационного обмена охватывают как участников, связанных с ситуацией, по поводу которой возникла коммуникация, так и участников, которые не имеют к ней никакого отношения. Такая «смешанная аудитория» является достаточно разобщённой, что приводит к отсутствию единого понимания ею оснований и содержания информационного обмена. Третье проявление коммуникативных вызовов сети основывается на том, что получение информации, посредством её технологий и инструментов, не означает её понимание и принятие аудиторией. Более того, некоторыми специалистами отмечается, что коммуникативный успех сетевых моделей информационного обмена незначителен, так как они основаны на движении больших потоков информации, которую аудитория отбирает ситуативно и спонтанно [См.: Рябченко, Катермина, Гнедаш, Малышева 2018: 143–144].

Таким образом, «электронные социальные сети – один из способов взаимодействия организации с её целевыми аудиториями посредством интернет-инструментов (сайтов, сообществ, форумов, персональных страниц, блогов, электронных изданий специализированного или новостного характера)» [Терентьева 2016: 23], формируют коммуникативные вызовы сети выражающиеся в «стирании» сопричастности человека к возникающим социальным проблемам и искажении передаваемых смыслов, значений, ценностей информационного контента. Ответы на эти «вызовы на данном этапе развития теории и практики коммуникативистики, ещё не выработаны. Думается, что это связано с последствиями «информационной революции», которая привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды. Её методы и методики анализа находятся ещё в стадии становления и требуют значительных доработок с учётом постоянно обновляющихся технолого-программных моделей информационного обмена (например, за несколько десятилетий сменились механизмы работы информацион-

ных платформ, произошёл быстрый переход от технологических решений web 1.0 к web 4.0 и далее).

Анализируя коммуникативные вызовы сети и формируемые ими социально-политические проблемы, учёные отмечают, что современные управленческие структуры в целом освоили сеть, власть стала «сетесозидающей» и доминирующей над деятельностью людей в сети и вне её. По мнению специалистов, это стало возможным в результате многочисленных попыток управленческих структур преодолеть различные уровни дифференциации пространств общественной связанности. Властные институты, как государственные, так и общественные, трансформируют каждое событие, представляющее социальную значимость, посредством информационно-коммуникационных технологий. В результате информационные взаимодействия становятся глобальными, объединяя разрозненные реальные и виртуальные социальные пространства посредством современных технологий поиска, обработки и распространения информационного контента.

Коммуникация и информация (главные инструменты преодоления дифференциации пространств общественной связанности) позиционируются как категории, обладающие онтологическим статусом [Сидоров 2018: 37]. Это утверждение требует дополнительного объяснения содержания и структуры такого феномена, как информационно-коммуникационное пространство. Интерпретируя его, большинство исследователей делают отсылки к пространству и информации как физическим явлениям (пространство – трёхмерное пространство нашего повседневного мира; время – непрерывная величина, априорная характеристика мира, ничем не определяемая). В свою очередь, информационные отношения и коммуникации различных видов, уровней и форм понимаются как сложные социальные явления, возникающие между точками пространственно-временного универсума. В представленном подходе любая информация, поступающая в коммуникационную систему, становится уникальной.

Социологическое понимание информационно-коммуникационного пространства основано на концептуальных принципах работ по теории «социальных полей». Согласно одному из них, действительность информационного обмена представляет собой набор коммуникативных практик, которые охватывают определённые фрагменты социально-политической, духовной и экономической жизни.

Альтернативным физическому и социологическому пониманию информационно-коммуникационного пространства выступает его социокультурная интерпретация [Киселёв 2019: 323]. Она позволяет интерпретировать онтологические основы социально-политических коммуникаций в научной, экономической, образовательной, духовной сферах по отдельности, основываясь на «матрёшечном принципе», а именно: «последовательно включая в социальную реальность и действительность области, в которых действуют преимущественно информационно-коммуникативные факторы» [Клягина 2013: 124]. Думается, что данный подход, в отличие от социологического и физического, более органично сочетается с цифровыми и виртуальными измерениями информационно-коммуникационного пространства, открывая новые возможности для его изучения. В частности, на основе идентификации и анализа соотношений характеристик семиотического пространства («речь идёт о пространстве, в которое изначально погружены все участники коммуникации и которое обеспечивает работу устройства, состоящего из адресата, адресанта и связывающего их канала» [Лотман 2010]) с характеристиками физического и социального пространств.

Интеграция и дифференциация пространств общественной связанности порождают дополнительные спорные вопросы относительно формирования онтологических аспектов социально-политических коммуникаций в новой информационной реальности. Например, как соотносятся пространства живой и виртуальной коммуникации? Какое из этих пространств является первичным? Как меняются технологии и инструменты их информационного насыщения? Каким образом в этих пространствах соотносятся «самодостаточная коммуникация» и «симулятивные информационные» обмены? Ответы на эти и другие вопросы зависят от ско-

рости и направления развития программно-технологических новаций, обеспечивающих современный информационный обмен.

Из анализа выделенных онтологических аспектов политической коммуникации в современной информационной реальности, основанной на передовых технологиях обмена контентом и новом видении человека как главного субъекта информационных взаимодействий, можно сделать следующие предварительные обобщения и выводы.

Интерпретация пространственных и временных характеристик онтологических основ политической коммуникации в новых технологических реалиях позволяет предположить, что прежнее философское понимание обобщённой модели информационного обмена, основанное на том, что пространство «растворяет» в себе время, а время обладает чёткими пространственными характеристиками (на основании этих характеристик субъекты коммуникации получают доступ к данным о окружающих их социальном и природном мирах), требует определённой корректировки. В частности, необходимо по-новому интерпретировать тезис о том, что время наделено пространственными характеристиками. А именно, синхронные и асинхронные информационные обмены, основанные на передовых технологиях передачи контента, формируют у человека, социальных групп, общества в целом, внепространственные временные миры, которые существуют за счёт свободного доступа практически к любой информации вне зависимости от территориального позиционирования субъектов коммуникации.

Вместо заключения

Изучение онтологических аспектов современных социально-политических коммуникаций связано с идентификацией и анализом таких феноменов, как: во-первых, индивид, обладающий цифровой личностью, создающий или разграничивающий смыслы коммуникации; во-вторых, цифровые нормы, устанавливающие границы бытия новейших моделей информационного обмена, а также определяющие характер их взаимодействия с «классическими» формами и видами коммуникации; в-третьих, идентичность человека в процессе его диалогов с другими людьми, инфороботами, иными субъектами коммуникации, функционирующими на основе программно-технологических решений искусственного интеллекта; в-четвёртых, net-социальность, выступающая попеременно, то аналогом реальной социальности, то площадкой, способной постепенно вытеснить и заменить её, то искусственной социальностью «не дотягивающей» до моделирования сложных и многоаспектных ситуаций, которые возникают в многообразном мире информационного обмена; в-пятых, цифровая социальность, устанавливающая новые форматы социально-политической коммуникации, сочетающие в себе как анонимные, так и авторизированные технологии создания, обмена, получения информационного контента; в-шестых, информационные технологии «собирания» и «интеграции» социальных пространств, не имеющих устойчивой общественной связанности и дифференцированных по различным социально-демографическим признакам; в-седьмых, метадискурс социально-политической коммуникации цифровой и переходной от реальной к цифровой форме обмена информационным контентом.

Кроме того, мы пришли к выводу, что определение онтологических параметров социально-политической коммуникации в современной цифровой реальности связано с проблемой их множественности и неинтегрированности в единую картину мира в сознании человека, социальных групп, общества в целом. Существует устойчивый запрос субъектов информационного обмена на синтетические способы освоения окружающей их действительности, которые основаны на интерпретациях множественности реальности как многослойного явления, в котором отсутствует чёткая иерархия «пластов» социальной и цифровой жизни. Как следствие, считаем, что социальность, политичность, духовность и т. п. с одной стороны и

коммуникация – с другой, могут существовать и воспроизводиться в иных областях смыслов, чем мир повседневной жизни («обыденная жизнь»).

Кроме того, современные медиасистемы, являющиеся частью новой цифровой действительности, являются одновременно каналами передачи информационного контента, инструментами воспроизведения реальности (сложившейся картины мира отражающей различные сферы человеческой жизнедеятельности), средствами формирования множественности значений конструкта «реальность». Последняя функция медиасистем связана с трансформацией онтологических основ социально-политических коммуникаций. Создание и поддержание виртуальных симулякров net-социальности, цифровой социальности, метадискурса виртуальности и т. п. иллюстрирует реализацию данной функции. Появление и закрепление в теории и практике информационного обмена симулякров ведёт к подмене ряда философских и политических концептов, объясняющих структуру и содержания моделей политических и социальных коммуникаций (например, понятия «человек» и «цифровой человек» в современных исследованиях проблем политической коммуникативистике, всё чаще используются как синонимичные).

Алиуллов Р.Р. 2020. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) – *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – № 1(39). – С. 44–45.

Андреева О.В. 2020. Симулятивная идентичность медиа субъекта – *Манускрипт*. – Том 13. – Выпуск 6. – С. 134–135.

Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И. 2007. *Сфирот познания*. – М.: УРСС. – 244 с.

Белоусов Г.Ф., Бронников И.А., Горбачев М.В. 2021. Факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений в современной России – *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – № 59. – С. 214–223.

Биби С.А., Мотет Т.П. 2007. Коммуникация и ценности. – *Вестник РГГУ*. – № 1. – С. 11–32.

Жичкина А.Е., Белинская Е.П. 2000. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей интернета. – *Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования*. – М.: Институт социологии образования. – С. 438–439.

Калмыков А.А. 2007. Онтология коммуникации как социально-антропологическая проблема. – *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. – № 1. – С. 47–61.

Карпова Д.Н., Проскурина А.С. 2020. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества. – *Власть*. – № 1. – С. 96–97.

Киселев А.Г., Киричк П.Н. 2019. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации. – *Вестник РУДН. Серия: Социология*. – № 2. – С. 322–336.

Клягина С.В., Шипунова О.Д. 2013. *Философия коммуникации: проблемы и перспективы*. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. – 260 с.

Конева А.В., Лисенкова А.А. 2019. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности. – *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – № 35. – С. 14–28.

Кононенко О.С., Бронников И.А., Тимирчев И.К., Горбачев М.В. 2021. Медиактивизм и гражданская мобилизация. – *Вестник Московского государственного областного университета*. – № 1. – С. 44–60.

- Лотман Ю.М. 2010. *Семиосфера: культура и взрыв внутри мыслящих миров*. – СПб.: Искусство. – 704 с.
- Луман Н. 1994. Понятие общества. – *Проблемы теоретической социологии*. – СПб., Нева. – С. 25–42.
- Марков Б.В. 2020. Человек и общество в цифровую эпоху. – *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*. – Том 20. – Выпуск 2. – С. 143–148.
- Пирс Ч.С. 2001. *Принципы философии: в 2 т.* – СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, Т. 2. – 224 с.
- Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. 2018. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. – *Южно-российский журнал социальных наук*. – Том 19. – № 3. – С. 143–144.
- Садовничий В.А. 2018. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. – *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. – № 1. – С. 3–17.
- Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. 2018. Об основном вопросе философии, об информации и о разделении учёных и философов на эмпириков, идеалистов, богословов, креационистов, агностиков и атеистов. – *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*. – № 1(4). – С. 36–38.
- Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. 2018. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. – *Образование и наука*. – Том 20. – № 5. – С. 105–124.
- Терентьева И.Н. 2016. Сетевые коммуникации: новая реальность управления. – *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии*. – № 4. – С. 23–27.
- Торосян В.Г., Пшеничный А.А. 2019. Органопроекция: истоки, реалии и прогнозы. – *Культурная жизнь Юга России*. – № 1(72). – С. 91–95.
- Шафоростов А.И. 2011. Онтологический аспект проблемы идентичности. – *Вестник Иркутского государственного технического университета*. – № 8(55). – С. 320–324.
- Шипулин В.О. 2020. Динамика российской коллективной идентичности: информационно-коммуникативный контекст. – *Учёные записки Новгородского государственного университета*. – № 2(27). – С. 1–5.
- Щеров В.И. 2020. Виртуальное пространство и понятие «места» в современной философии. – *Манускрипт*. – Том 13. – Выпуск 1. – С. 104–106.
- Эко У. 2006. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. – СПб. – 432 с.
- Яровенко С.А. 2010. «Бегство от реальности»: аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии. – *Вестник Томского государственного университета*. – № 3. – С. 52–53.
- Bronnikov I.A., Gorbachev M.V. 2021. Grassroots and hybrid civic initiatives: features of politicization. – *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – Т. 24. – № 2. – P. 1–6.
- Dibrov E.A., Gorbachev M.V. 2021. Transformation of the information space of the military-political conflict zone in Donetsk and Luhansk. – *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – Т. 24. – № Special Issue 1. – Pp. 1–8.
- Elliott A. 2013. Miniaturized Mobilities: Transformations in the Storage, Containment and Retrieval of Affect. Psychoanalysis. – *Culture & Society*. – Vol. 18. – Issue 1. – P. 71–80.
- Whitty M.T. 2002. Liar, liar! An examination of how open, supportive and honest people are in Chat rooms. – *Computers in Human Behavior: journal*. – № 18 (4). – P. 343–352.